

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-3-194-204

Н. В. Халина¹*Алтайский государственный университет***Е. В. Валюлина²***Алтайский государственный университет*

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС «ШОС»: СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ИДЕОЛОГЕМЕ «СОТРУДНИЧЕСТВО» И ФИЛОСОФЕМЕ «ШАНХАЙСКИЙ ДУХ»

В статье рассматривается формирование культурных ценностной – политических ориентиров – Шанхайской организации сотрудничества через анализ семантики структурного элемента номинации политического альянса «сотрудничество» и семантики философемы «шанхайский дух», определяющей функциональные параметры дискурса ШОС и аксиологические аспекты культурологической миссии организации в азиатском семантическом пространстве. Моделирование «диалога цивилизаций» рассматривается через призму филологической политики, или политики филологии Идеологема «сотрудничество» регулирует восприятие информации о событиях и интеграцию выстраиваемой геополитическим союзом государств относительно политической реальности определенной картины мира. Понятийный контент философемы «шанхайский дух» определяется на основе семантического анализа, который включает в себя несколько этапов: 1) построение понятийной матрицы на основе анализа метатекста Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества; 2) выявление семантического значения и опосредуемой им коммуникативной значимости иероглифов, входящих в состав номинации; 3) расширения контекста толкования и границ метатекста через ассоциативные корреляции номинаций 上海精神 (Шанхайский дух) и 上海气 (Дух Шанхая); 4) конструирование на основе данных лексикографических источников контента понятия духа, или *ци* как внутренней формы, означаемого терминологического сочетания «Шанхайский дух».

Ключевые слова: философема, «шанхайский дух», ШОС, культура, культурные ценности, политика, лексическая семантика, моделирование диалога цивилизаций

¹ Наталья Васильевна Халина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Алтайского государственного университета (Барнаул).

² Екатерина Владимировна Валюлина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Алтайского государственного университета (Барнаул).

N. V. Khalina

Altai State University

E. V. Valyulina

Altai State University

CULTURE AND POLITICAL DISCOURSE OF THE «SCO»: SEMANTIC COMMENTARY ON THE IDEOLOGEMA «COOPERATION» AND THE PHILOSOPHEMA «SHANGHAI SPIRIT»

The article deals with the formation of cultural values-political orientations-of the Shanghai cooperation organization through the analysis of the semantics of the structural element of the political Alliance nomination «cooperation» and the semantics of the «Shanghai spirit» philosophy, which determines the functional parameters of the SCO discourse and axiological aspects of the organization's cultural mission in the Asian semantic space. Modeling of the «dialogue of civilizations» is seen through the prism of linguistic policy or policies. Philology Ideology of «cooperation» regulates the perception of information about events and integration build geopolitical alliances of States with respect to the political reality of a certain world picture. The conceptual content of the Shanghai spirit ecosystem is determined on the basis of semantic analysis, which includes several stages: 1) building a conceptual matrix based on the analysis of the metatext of the Declaration on the establishment of the Shanghai cooperation organization; 2) identifying the semantic meaning and mediated communicative significance of the hieroglyphs that make up the nomination; 3) expanding the context of interpretation and the boundaries of the metatext through associative correlations of the categories 上海精神 («Shanghai spirit») and 上海气 («Shanghai spirit»); 4) constructing the concept of spirit, or qi as an internal form, of the signified terminological combination «Shanghai spirit» on the basis of data from lexicographic sources of content.

Keywords: philosophema, «Shanghai spirit», SCO, culture, cultural values, politics, lexical semantics, modeling of the dialogue of civilizations

Культура является основой формирования нового мирового порядка [German, 1998], человечество же эволюционирует в направлении интеграции культур и идеологий, выбирая в качестве интеграционной основы общечеловеческие ценности. В философских рассуждениях реалистов, неореалистов, новых марксистов 70–80-х гг. XX века, как отмечает Ф. А. Касумзаде отношений [Касумзаде, 2013, с. 32] культурные ценности интегрированы в теорию внешней политики и международных отношений. Культурные ценности страны становятся важным фактором в области международных отношений, формируя культурную и политическую идентичность страны [Wendt, 1999]. Западную культуру, как считает Ф. Фукуяма, характеризует особый феномен: интегрированная культурно-идеологическая, или идеологическая культурная модель, которая создала условия для преодоления политико-идеологических кризисов [Fukuyama, 1992]. Создание аналогичной «восточной» модели могло благоприятно повлиять на политическую и культурную ситуацию на Ближнем Востоке и Центральной Азии [Касумзаде, 2013, с. 33].

Взаимопроникновение культур, языков, поведенческих текстов влияет на процессы региональной интеграции в рамках Шанхайской организации сотрудничества получают, что ориентирует региональное сообщество на конструктивное взаимодействие в рамках «диалога цивилизаций». Моделирование «диалога цивилизаций» предполагает, на наш взгляд, учет положений политической эпистемологии [Дугин, 2004], рассматриваемых через призму филологической политики, или политики филологии [Поллак, 2011]. Основной вопрос, который должна разрешить политика филологии: каким образом соединить текст, мир и филологическую критику в конкретно-историческом мире повседневности социума и социального субъекта [Халина, 2013, с. 324], какие ценности избираются в качестве доминирующих и определяющих направления политического и культурного развития.

Семантически и символически значимым в этом плане становится выбор лексических единиц, выступающих в качестве структурных единиц номинации политического альянса. Для номинации «Шанхайская организация сотрудничества» подобной семантически и символически маркированной лексемой является лексема «сотрудничество», которую мы полагаем рассматривать в качестве идеологемы, понимая под ней коммуникативное измерение коннотации, передающее систему семантических правил производства сообщений, или определенную идеологию. При таком понимании идеологемы мы ориентируемся на определение идеологии Э. Варона, который под идеологией понимает систему семантических правил производства сообщений, передаваемых посредством коммуникативного измерения коннотации [Анкин, 1990, с. 210]. Идеологема изучается нами в качестве сложного когнитивно-стилистического процесса кодирования современной действительности, целью которого является построение обществом своей идентичности [Клушина, 1995].

Е. А. Миронов считает, что понятие «сотрудничество» включает в себя не только семантику совместной деятельности, но и позитивные эмоциональные отношения, к которым относятся взаимопонимание, взаимопомощь, поддержка и доверие друг к другу [Миронов, 2012, с. 10]. Эффективное сотрудничество, по мнению исследователя, предполагает 1) наличие совместной цели. 2) процесс коммуникации, т.е. обмен информацией между участниками сотрудничества, 3) процесс достижения цели, который характеризуется согласованностью действий участников совместной деятельности, 4) отношения между участниками, квинтэссенцией которых является доверие между участниками сотрудничества [Миронов, 2012, с. 11]. Подобные семантические компоненты лексемы «сотрудничество» Е. А. Миронов выделяет на основе анализа дефиниций лексемы в различных словарях, ее синонимов и эмотивной семантики. Например, в качестве синонимов избираются лексемы «кооперация», «cooperation», «collaboration». Интерференция лексической и парадигмальной семантики термина «сотрудничество» и данных лингвистического перформанса – последствий конкретного использования лексемы в коммуникации – позволила Е. А. Миронову создать модель сотрудничества, или Ромб Сотрудничества (см. рис. 1).

Рис. 1. Модель сотрудничества Е. А. Миронова, или Ромб Сотрудничества [Миронов, 2012, с. 11].

Модель сотрудничества Е. А. Миронова, или Ромб Сотрудничества, возможно рассматривать как основу понятийной схемы идеологемы «сотрудничество», или схемы коммуникативного измерения коннотации «сотрудничество». Понятийные схемы, как отмечает Е. А. Кулькина, это пространственные построения, помогающие систематизировать понятия, заявленные в тексте через выявление связей связи между ними [Кулькина, 2014, с. 94].

Идеологема «сотрудничество» моделирует конкретно-исторический мир синхронной реальности для Шанхайской организации сотрудничества. Идеологема регулирует восприятие информации о событиях и интеграцию выстраиваемой относительно происходящих событий политической реальности с культурологической, основанной на ценностях участников ШОС, картиной мира. Определение ценностной весомости параметров подобной картины мира возможно с позиций политической эпистемологии – исследовании рациональных стратегий в области Политического, понимания человеком Политического, оперирования с представлениями о Политическом, осуществления человеком своего выбора [Дугин, 2004]. Политика филологии в этом случае заключается в выявлении особенностей жизнеспособности когнитивных (или концептуальных) структур организации – геополитического союза – в мире повседневности и разработке положений совместимости поведенческих текстов государств в масштабируемых средах – средах, метрика которых задается культурологической (интегрированной) картиной мира ШОС

В качестве первичной системы принципов установления сотрудничества, т.е. формирования культурного ландшафта и интегрированной культурологической картины мира ШОС можно предложить принципы, поддерживающие функционирование образовательной среды азиатского вуза: 1) уважение к человеку; 2) владение самоконтролем; 3) великодушие и симпатия к другим; 4) осуществление коллективного самопознания; 5) соблюдение требования коммуникативной терпимости; 6) признание возможности отсутствия фиксированных границ; 7) создание хрупкости и жизни с ней [Халина, 2014, с. 136].

Политическое становится элементом конкретно-исторического мира повседневности. По утверждению профессора Стэнфордского университета Ханса Ульриха Гумбрехта [Гумбрехт, 2006], конкретно-исторический мир повседневности отличается несоразмерностью между эстетическим переживанием и институциональным насаждением этических норм. Приспособление эстетической интенсивности к этическим требованиям, в конечном счете, нормализует конкретно-историческую повседневность. Актуальной задачей становится формирование этического послания, которое для Шанхайской организации сотрудничества представлено в базовой форме философомой «Шанхайский дух».

В Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества, принятой 14 июня 2001 года в Шанхае Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Председателем КНР Цзян Цзэминем, Президентом Киргизии Аскармом Акаевым, Президентом России Владимиром Путиным, Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым, Президентом Узбекистана Исламом Каримовым, отмечалось: «Сформировавшийся в процессе развития «Шанхайской пятерки» «шанхайский дух», характеризующийся взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию, является бесценным достоянием, накопленным странами региона за годы сотрудничества. Оно будет приумножаться, становясь в новом столетии нормой в отношениях между государствами – участниками Шанхайской организации сотрудничества» [Декларация о..., 2011].

Понятийная схема философомы «Шанхайский дух» в Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества обращает внимание, прежде всего, на два аспекта этой аксиологической категории: 1) чему нет цены; что выше всякой цены («бесценное»); 2) духовные ценности, наследие («достояние») (см. рис. 2).

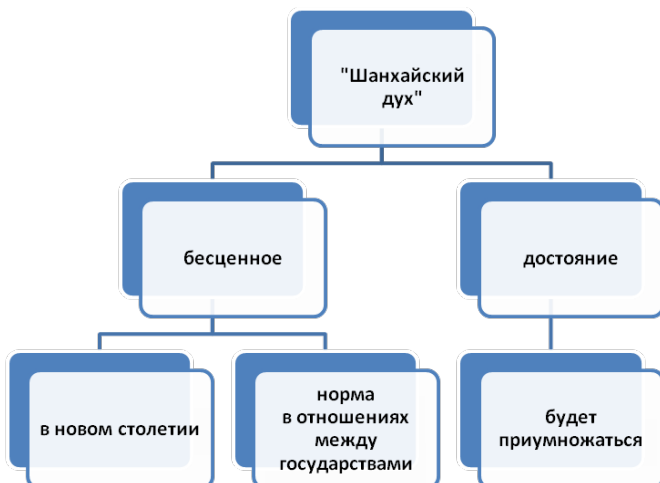

Рис. 2. Понятийная схема «иерархия» философомы «Шанхайский дух» в Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества

Для атрибута «бесценное» уточняется время его актуальности (когда?: «в новом тысячелетии»), состав акторов (для кого?: «между государствами») и уровень функциональной дискурсивной значимости («норма»). Содержание атрибутивного признака «достояние» уточняется через предикат – семантический классификатор «будет приумножаться».

В словаре иностранных слов Н. Г. Комлева термин «философема» соотносится с лексемой из немецкого языка *Philosophem*, которая переводится как «философский тезис», «положение», «модель» [Комлев, 2006].

В. А. Песоцкий рассматривает философему в качестве формы философского знания, которая готовит почву для возникновения законов, принципов и концепций философии [Песоцкий, 2009].

В. В. Картавцев, анализируя содержание понятия «философема» в работах современных авторов, выделяет положения, в которых авторы приходят к консенсусу относительно понятия философемы: а) представляет собой определенную форму знания; б) имеет мировоззренческую окрашенность; в) обеспечивает взаимодействие обыденного и теоретического уровней познания; г) является элементом, на основе которого могут складываться четко оформленные философские концепции; д) находит свое воплощение в текстах, сочетающих философское и художественное измерения [Картавцев, 2011, с. 309].

Пань Гуан, доктор исторических наук, директор Центра изучения ШОС при Шанхайской академии общественных наук советник правительства Шанхая по вопросам борьбы с терроризмом обращает внимание на то, что ядро понятия **上海精神** «шанхайский дух» составляют 20 иероглифов, которые означают *«взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию»*.

Каждое понятие, включенное в обоснование «шанхайского духа», имеет глубокий и лаконичный смысл: первые восемь иероглифов означают «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации» легли в основу так называемой «новой модели безопасности». Исполненные духом «сотрудничества», субъекты не образуют союзов, направленных против третьей стороны, путем мирного диалога и консультаций они устраняют скрытые угрозы, разрешают спорные вопросы, предупреждают вооруженные столкновения, укрепляя разностороннее сотрудничество. Таким образом, используя философему «шанхайский дух» Шанхайская организация сотрудничества фактически получает возможность на основе ее создать аналог западной идеологической культурной модели, о которой пишет Ф. Фукуяма [Fukuyama, 1992].

Следующие 12 иероглифов формируют семантическое единство «уважение многообразия культур». Принцип, представленный этим графо-семантическим комплексом, свидетельствует о признании разнообразия культур и цивилизаций в современном мире, об уважительном отношении к истории и культуре каждого государства, об уважении самостоятельного выбора каждым народом своего общественного строя и модели развития.

Определяя понятийный объем философемы «шанхайский дух», необходимо напомнить, возможно, о первом употреблении синтаксического и логического прообраза анализируемой философемы, появившемся в номинации очерка Чжоу Цзожэнь 1927 上海气 (*Шанхай ци* «Дух Шанхая») (иероглиф, обозначающий *ци*, см. рис. 3).

Рис 3. Иероглиф, обозначающий *ци*

Термин *ци* стал философской категорией в IV в. до н.э. в таких классических памятниках, как «Гуань-цзы», «Мэн-цзы», «Чжуан-цзы» и др [Кобзев, 2001]. Хронологически первым принято считать упоминание *ци* в «Го юй» (V в. до н.э.). Этимологическое значение 齊 – «пар над варящимся [жертвенным] рисом». Понятие 齊 «ци» конкретизируется на трех смысловых уровнях: космологическом, антропологическом и психологическом. На космогоническом уровне *ци* – это универсальная субстанция Вселенной; на антропологическом – это связанный с кровообращением наполнитель человеческого тела (аналог «жизненных» или «животных духов» европейской философии), который может утончаться до «семенной души» и «духа»; на психологическом уровне – актуализация психического центра, *синь* «сердце», управляемого волей и управляющее чувствами.

Мэн-цзы (IV в. до н.э.) рассматривал *ци* как воплощение единства духовного и телесного, представляющего универсальность мировой «пневмы» [Ивин, 2004. Ван Чун (I в.) разделял *ци* на утонченное *ци* и сгущенное *ци*, образующие духовный и телесный миры [Петров, 1954]. У Чжу Си (XII в.) *ци* образует дихотомию с категорией *ли* («закон/принцип»), означая нерасторжимое единство материалообразующего, континуального и качественно неопределенного *ци* и структурообразующего, рационального и морально окрашенного закона/принципа *ли*. В конфуцианстве понятие *ли* играет роль основополагающего этического принципа, который регулирует отношения между людьми в различных сферах жизни, нормы их поведения, фактически определяет характер их поведенческого текста.

Первоначально термин *ци* обозначал ритуальные сосуды и ремесленные орудия, с которыми связывалось понимание культовой утилитарности, полезности и утилитарности (трактаты «Лунь юй», «Си цы чжуань», «Дао дэ цзин», «Мэн-цзы»).

Ци – первовещество, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, которая может дифференцироваться как *хуньдунь* «хаос», *тай ци* «великий предел», *тай и* «великое единое», *тайчу* «великое начало» или *тай сюй* «великая пустота». Начальные формы дифференциации *ци* – *инь* и *у сан* «пять элементов».

В «Цзо чжуани» (IV в. до н.э.) человеческие эмоции и «вкусы» (горечь, сладость и т.п.) рассматриваются как порождение, «воля» – как воплощение *ци*. *Ци* – это материальная сила, энергия, либо жизненная сила, связанная с кровью и дыханием. Как материальная сила *ци* участвует в процессе становления вещей и людей [Ильичёв, 1983].

Семантически значимой, на наш взгляд, является также соотношение терминов «шанхайский дух» и «шанхайский стиль». Термин «шанхайский стиль» первоначально использовался в живописи, затем перешел в литературоведение и литературу. Термин, возникший в начале XX века, обозначал духовную и художественную культуру города коммерции, роскоши и потребления. К концу XX века «шанхайский стиль» превратился в самостоятельную эстетическую категорию, обладающую собственными критериями художественности. До 80-х годов XX века в общественном сознании сохраняется восприятие «шанхайского стиля» как стиля, порожденного коммерциализированной и светской культуры, противоположного по своей внутренней форме более традиционному пекинскому стилю.

Собственно «шанхайский» мотив формируется в китайской литературе в конце XIX века: знаменитый роман Хань Банцина «Цветы на море» 1892 года заложил основы эстетики *хайтай*, основанной на контрасте «роскоши и искренней простоты, вычурного облика и скрывающихся за ним простых и обычных стремлений, насыщенность романтической, а порой и развязной чувственностью, за которой прячется печаль» [Семенюк, 2013].

Историк А. А. Маслов свое индивидуальное восприятие «Восточного Парижа» – Шанхая – передает через философему «шанхайский дух», наполняя ее новым содержанием:

«Шанхайский дух – это дух заносчивости. Но эта заносчивость не такая, что к тебе никогда нельзя подойти, а такая немножко «британская» заносчивость, когда люди требуют к себе особого отношения, подразумевающего, что шанхаец – это не то же самое, что рядовой китаец» [Маслов, 2019].

Проведенный семантический анализ терминологических сочетаний «Шанхайская организация сотрудничества» и «Шанхайский дух» позволил выделить в первом терминологическом сочетании идеологему «сотрудничество» и дифференцировать второе терминологическое сочетание как философему, формирующую этическое послание Шанхайской организации сотрудничества. Идеологема «сотрудничество» выступает в качестве дескриптора, истолковывающего Политическое в функциональном дискурсе ШОС и конструирующего пропозицию региональной идентичности. При этом идеологема рассматривается как сложный когнитивно-стилистический процесс

кодирования синхронной действительности. Несоразмерность, имеющаяся между эстетическим переживанием и насаждением этических норм, снимается в политическом дискурсе ШОС семантически, через введение философемы «Шанхайский дух», представляющей по своей структуре «слоистый» концепт, сочетающий в себе а) суммарную семантику-энергию означающих его иероглифов, б) культурологическую информацию, в) политические интенции, г) художественные конвенции территории, вовлекаемые в понятийный контент терминологического сочетания, д) коррелятивные модели, составляющими которых являются структурные элементы терминологического сочетания.

Шанхайская организация сотрудничества, руководствующаяся «шанхайским духом» имеет стратегическое значение не только для стран-участниц альянса, но и для Китая, способствуя формированию «пояса приграничной безопасности» на континентальных границах Китая. «Шанхайский дух» обладает мощной жизненной силой, а руководствующаяся им ШОС – образцовый пример альтернативной модели, ставящей перед собой цель достижения мира и развития через диалог культур и создание интегрированной системы ценностных приоритетов, ориентированных на онтологическую безопасность – состояние, подобное ощущению себя как «дома» в отношениях с самим собой и с окружающим миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Анкин, Д. В. Идеология / Д. В. Анкин // Современный философский словарь. – Москва, 1990. – С. 210–218.

Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт., С. П. Зенкин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.

Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (01.02.2020).

Дугин, А. Г. Философия политики / А. Г. Дугин. – Москва: Аркогея, 2004. – 614 с.

Ивин, А. А. и др. Философия энциклопедический словарь / А. А. Ивин. – Москва: Гардарики, 2004. – 1072 с.

Ильичёв, Л. Ф. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Картавцев, В. В. Анализ содержания понятия «философема» в современной научной литературе / В. В. Картавцев // Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія»: зб. наук. пр. / гол. ред. В. І. Астахова. – Харків: Вид-во НУА, 2011. Т. 17. – С. 305–318.

Касумзаде, Ф. А. Культура и политика в системе международных отношений / Ф. А. Касумзаде // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 4 (15). – С. 32–35.

Клушина, Н. И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты (на материале газет 1989–1994 гг.): дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1995. – 200 с.

Кобзев, А. И Новая философская энциклопедия: в 4 т. / А. И. Кобзев. – Москва: Мысль, 2001.

Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – Москва: Эксмо, 2006. – 669 с.

Кулькина, Е. А. Использование понятийных схем при работе с научными текстами на иностранном языке со студентами вуза / Е. А. Кулькина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. – № 5 (35): в 2 ч. Ч. I. – С. 94–98.

Миронов, Е. А. Диалектика взаимодействия: сотрудничество и конфликт / Е. А. Миронов // Вестник СПбГУ. Сер. 16. – 2012. Вып. 3. – С. 8–14.

Песоцкий, В. А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа: монография / В. А. Песоцкий. – Москва: Изд-во МГОУ, 2009. – 403 с.

Петров, А. А. Ван Чун, древнекитайский материалист и просветитель / А. А. Петров. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 104 с.

Поллак, Ш. Времена филологии / Ш. Поллак // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 110 (4/2011). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4> (01.02.2020).

Семенюк, М. В. «Шанхайский стиль» в современной литературе Китая / М. В. Семенюк. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.synologia.ru> (01.02.2020).

Серебрякова, Н. В. Шанхайская организация сотрудничества: проблемы политической интеграции в Центральной Азии: дис. ... канд. политических наук / Н. В. Серебрякова. – Москва, 2009. – 140 с.

Халина, Н. В. Политика филологии в конкретно-историческом мире повседневности / Н. В. Халина // Филология и культура в межрегиональном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И. А. Воробьевой. Барнаул, 15–17 мая 2013 г. / под ред. Л. М. Дмитриевой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 324–327.

Wendt, Alexander. Social Theory of International Politics Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Fukuyama, Francis. The End of History and Last Man. – New York: Praeger, 1992.

German, R.D & Kennedy, Michael, «Engaging Gramsci: International Relation Theory and the new Gramscians», Review of International Relation, 1998.

REFERENCES:

Ankin, D. V. Ideologiya / D. V. Ankin // Sovremennyy filosofskiy slovar'. – Moskva, 1990. – S. 210–218.

Deklaraciya o sozdanii SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (01.02.2020).

Dugin, A. G. Filosofiya politiki / A. G. Dugin. – Moskva: Arkogeya, 2004. – 614 s.

Gumbrekht, H. U. Proizvodstvo prisutstviya: CHego ne mozhet peredat' znachenie / H. U. Gumbrekht., S. P. Zenkin. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. – 184 с.

Halina, N. V. Politika filologii v konkretno-istoricheskom mire povsednevnosti / N. V. Halina // Filologiya i kul'tura v mezhregional'nom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati prof. I. A. Vorob'evoj. Barnaul, 15–17 maya 2013 g. / pod red. L. M. Dmitrievoj. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. – С. 324–327.

Ivin, A. A. i dr. Filosofiya enciklopedicheskij slovar' / A. A. Ivin. – Moskva: Gardariki, 2004. – 1072 s.

Il'ichyov, L. F. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / L. F. Il'ichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. – Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1983. – 840 s.

Kartavcev, V. V. Analiz sodержaniya ponyatiya «filosofema» v sovremennoj nauchnoj literature / V. V. Kartavcev // Vcheni zapiski Harkivs'kogo gumanitarnogo universitetu «Narodna ukrains'ka akademiya»: zb. nauk. pr. / gol. red. V. I. Astahova. – Harkiv: Vid-vo NUA, 2011. T. 17. – S. 305–318.

Kasumzade, F. A. Kul'tura i politika v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij / F. A. Kasumzade // Vektor nauki TGU. Seriya: YUridicheskie nauki. – 2013. – № 4 (15). – S. 32–35.

Klushina, N. I. Semanticheskie i stilisticheskie izmeneniya v leksike sovremennoj gazety (na materiale gazet 1989–1994 gg.): dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 1995. – 200 s.

Kobzev, A. I. Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. / A. I. Kobzev. – Moskva: Mysl', 2001.

Komlev, N. G. Slovar' inostrannyh slov / N. G. Komlev. – Moskva: Eksmo, 2006. – 669 s.

Kul'kina, E. A. Ispol'zovanie ponyatijnyh skhem pri rabote s nauchnymi tekstami na inostrannom yazyke so studentami vuza / E. A. Kul'kina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2014. – № 5 (35): v 2 ch. CH. I. – С. 94–98.

Mironov, E. A. Dialektika vzaimodejstviya: sotrudnichestvo i konflikt / E. A. Mironov // Vestnik SPbGU. Ser. 16. – 2012. Vyp. 3. – S. 8–14.

Pesockij, V. A. Hudozhestvennaya literatura kak social'noe yavlenie i predmet filosofskogo analiza: monografiya / V. A. Pesockij. – Moskva: Izd-vo MGOU, 2009. – 403 s.

Petrov, A. A. Van CHun, drevnekitajskij materialist i prosvetitel' / A. A. Petrov. – Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. – 104 s.

Pollak, SH. Vremena filologii / SH. Pollak // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2011. – № 110 (4/2011). – [Elektronnyj resurs]. – URL: [https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4\(01.02.2020\)](https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4(01.02.2020)).

Semenyuk, M. V. «SHanhajskij stil'» v sovremennoj literature Kitaya / M. V. Semenyuk. – [Elektronnyj resurs]. – URL: [http://www.synologia.ru\(01.02.2020\)](http://www.synologia.ru(01.02.2020)).

Serebryakova, N. V. SHanhajskaya organizaciya sotrudnichestva: problemy politicheskoy integracii v Central'noj Azii: dis. ... kand. politicheskij nauk. – Moskva, 2009. – 140 s.

Fukuyama, Francis. The End of History and Last Man. – New York: Praeger, 1992.

German, R.D & Kennedy, Michael, «Engaging Gramsci: International Relation Theory and the new Gramscians», Review of International Relation, 1998.

Wendt, Alexander. Social Theory of International Politics Cambridge: Cambridge University Press, 1999.